

Примечания

¹ О предыдущих конгрессах этнографов и антропологов России см.: *Курило О.В., Стишева А.Ю.* Первый Конгресс этнографов и антропологов России // Этнограф, обозрение. 1996. № 2. С. 156-160; *Губогло М.Н.* К итогам работы Второго Конгресса этнографов и антропологов России (Уфа, 1-5 июня 1997 г.) // Там же. 1998. № 3. С. 129-147; *Дубова Н.А.* «Глобализация этнологии на пороге нового тысячелетия» // Там же. 2000. № 1. С. 19-39.

² Ниже публикуются доклады В.А. Тишкова и А.А. Зубова.

³ Если куратор секции не указан, это означает, что заявленный перед конгрессом руководитель не смог прибыть на свою секцию, и участники сами выбирали ведущих заседаниями.

⁴ См. также сайт www.iea.ras.ru.

С.Н.Абашии

Congress Transactions

Transactions of the Fourth All-Russian Congress of Ethnologists and Anthropologists, which has taken place in Nalchik, September 20-23, 2001, covering the main presentations during the congress panels are offered.

© 2002 г., ЭО, № 3

В.А. Тишков

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ*

*Я не люблю любое время года,
когда веселых песен не поют*

(В. Высоцкий)

Культурное и политическое время

Феномен времени всеохватывающе и многолико входит в человеческую жизнь. Человек и общество могут существовать только во времени и в пространстве, и это останется аксиомой навсегда. Философская традиция рассмотрения проблемы времени - одна из наиболее давних и представлена самыми достойными именами¹. В социально-культурной антропологии история изучения данной проблемы не столь внушительна, и для введения в тему мы можем отослать читателя к обзорной статье Барбары Эдам, которая к тому же является автором одной из лучших современных книг на тему времени в контексте социальных теорий². Задача настоящего доклада - попытаться сделать некоторые новые замечания прежде всего применительно к отечественному опыту, а также определить возможные пути для дискуссии.

С одной стороны, время - не обсуждаемая данность, своего рода абсолютная сущность, но, с другой стороны, оно воспринимается в зависимости от культурного контекста, исторического периода, возраста, пола, социального положения индивида и многих других факторов. Кроме того, можно различить восприятия времени на уровне отдельного человека, семьи и рода, этнических и политических общностей и даже на уровне планетарном. Как и в очень далеком прошлом, время меряется не только календарем, а сегодня - не только часами, но и веками («веками» в историко-мифологическом смысле). И здесь также есть свое разнообразие, или вариативность.

* Доклад на пленарном заседании IV Конгресса этнографов и антропологов России, 20-23 сентября 2001 г., г. Нальчик.

Приведу только один пример различий восприятия временных вех у россиян последних трех-двух поколений. В школе и в университете, выучивая тему о всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, я долго удивлялся тому, как моя бабушка Мария Михайловна Тягунова, родившаяся и прожившая всю жизнь в маленьком уральском городке и не знавшая грамоты, отзывалась об этом событии всего одним словом без каких-либо значимых оценок. Обращаясь к давнему личному прошлому, она почти не использовала годы или даты, а чаще говорила: «это было еще до переворота» или «это было после переворота». Я же хорошо выучивал урок по истории Великого Октября, но никогда свое время не мерил этой вехой. Для поколения моих родителей такой знаковой отсылкой было «до и после войны». С годами ушла из жизни и эта важнейшая отсылка ко времени. Прежде всего ушла не потому, что изменилось отношение к самому событию, а потому, что выросло поколение, которое войну не пережило и не просчитывало через нее ход собственной жизни. *Время, прожитое личностью или поколением следует считать определяющим в выстраивании исторически близкой (жизненной) матрицы времени и в выборе ее исходных точек.*

Так, для всех представителей старших поколений чеченцев до начала вооруженного конфликта в Чечне рубежным было время тотальной депортации народа в феврале 1944 г. Одна из моих информанток - молодая чеченская женщина вспоминала свои детские годы: «О депортации говорили мало и в каком-то отвлеченном виде: это было до «ардаар» (на чеченском букв, «вывели из дома»). Когда мама что-нибудь рассказывала, то она часто говорила: вот когда нас «ардаале», или когда нас «уза даьхкича» (букв, «вернули»). У меня в голове все никак не укладывалось: куда вывели и куда привели? Я очень долго всего этого не понимала». Почти наверняка столь же тотальной временной точкой стала для чеченцев последняя война, которая по воздействию и внутренним смыслам превзошла все другие временные отсчеты.

Похоже, для нынешнего населения России временной вехой будет 1991 г. - распад СССР и образование Российской Федерации, а точнее, период перестройки и реформ. Однако и здесь возможны вариации. Примерно в одно и то же время мне довелось быть на двух мероприятиях. Одно было посвящено 10-летию формирования первого российского правительства во главе с Егором Гайдаром, членом которого я состоял с февраля по октябрь 1992 г. Здесь для присутствующих исторической вехой был август 1991 г. («героическая защита Белого дома»). Другим мероприятием была панихида по моему безвременно умершему товарищу по работе в Магадане. Здесь для всех присутствующих главной прижизненной вехой стал октябрь 1993 г., также называвшийся «героической защитой Белого дома». И в том, и в другом случае *отсылка ко времени обеспечивает проверку на лояльность и солидарность определенной группы людей. Тем самым время, точнее, отношение к избранным в историческом времени событиям, обеспечивает для современных групп людей не только вертикальную (поколенческую) связь, но и связь политическую, эмоциональную.*

Что выберет в качестве «временных вех» поколение нынешних студентов Московского или Кабардино-Балкарского университетов, сказать трудно, но они скорее всего будут иными. Ибо, выражаясь словами Алексиса де Токвиля, «каждое поколение - это новый народ». Я воочию убедился в этом, когда после четвертьвекового перерыва попал в здание МГУ на Ленинских горах, где прошли мои студенческие годы. В тот момент я наблюдал время «других» в социально-культурном смысле, а именно одежду, пищу, поведение, нормативные ценности, учебное расписание, номенклатуру доступных услуг, развлекательный репертуар, средства транспорта и многое другое у современного студенчества. Но это было и другое времявосприятие. Даже если восприятие времени нынешними студентами могло быть обременено индоктринацией со стороны не принимающей слишком резких перемен профессуры, эта индоктринация все равно остается на уровне студенческого конформизма в отношениях «учитель-ученик», однако существенно не меняет иного поведенческого стиля в отношении времени. Современное студенчество явно живет меньше по расписанию

учебных занятий, а многие способны купить за деньги год или два дополнительного времени для обучения или закончить его раньше. Мое поколение так распорядиться временем не имело возможности.

Почему, зачем, как и кто делает (конструирует) временные вехи - вопрос не из простых и мало изученных, хотя его общественная значимость огромна. Социокультурное время рождается в итоге различных, но, как правило, целенаправленных усилий. Оно сочетает в себе собственный социальный опыт и личные стратегии, коллективные и индивидуальные внешние воздействия и передаваемый через разные каналы общественной среды «опыт истории» (этот фактор некоторые авторы называют «традицией» и отводят ему определяющую роль). В указанном сочетании, на наш взгляд, хозяин положения - не история и не «ритм национальной культуры»³, а современный человек и современная среда, которые приспособливают и переосмысливают прошлое, т.е. как бы каждое поколение пишет собственную историю.

Особенно четко это можно заметить при смене временной матрицы, отраженной в календарях и эпохальной хронологии. Почти во всех обществах в период глубоких трансформаций (а иногда и без них) происходят обновление календарей и борьба приверженцев новых и старых концепций исторического времени. Это своего рода политика, или игра времени. Американский антрополог Джанет Хоскинс так и назвала свою книгу - «Игра времени», исследовав период утверждения в Индонезии в 1970-1980-е годы (время правления президента Сухарто) «нового порядка», включавшего не только утверждение рыночно-монетаристских ценностей, но и прогрессистскую концепцию «национальной истории» в обществе при сохранении в ряде регионов страны традиционалистских ценностей. В те годы в местных общинах наблюдались сильное сопротивление нововведениям и стремление сохранить традиционные представления о времени в форме местных ритуально-календарных практик и мифологии. Дж. Хоскинс пришла к выводу, что так называемое традиционное время восточноиндонезийских общин было гораздо более сложно организовано, включая календарные конструкции. Причем, эти календари с глубокой древности не являлись «примитивными классификациями», порожденными жизнью в природе вне времени. Они были инструментами официальной практики, в том числе использовались для отправления власти и политики⁴.

Нам представляется, что важнейший момент в понимании феномена времени - не некий код-ритмика времени (цикличность или линейность), якобы заложенный в цивилизационном или этнокультурном контекстах. Не отрицая значение историко-культурного контекста, видимо, значимым является то обстоятельство, что каждое новое поколение конструирует свое время, т.е. сегодняшние потребности и интересы овладевают обществом и служат отправной точкой дальнейшего развития с опорой на свою матрицу временных ориентиров. В этом случае восприятие времени и распоряжение им современным поколением японцев, китайцев, россиян и американцев больше схожи между собой, чем «вертикальная» схожесть времявосприятия с предыдущими поколениями в рамках одного сообщества. Я даже не говорю «в рамках одной культуры», ибо культура современных японцев и культура современных американцев может быть ближе друг к другу, чем культура японцев в интервале трех-четырех поколений. Эти две культуры, безусловно, разные, но еще более культурно разнятся между собой жители довоенной Японии и Японии конца XX в.

Мы расходимся с участниками распространенных в отечественном обществознании цивилизационных метадебатов о времени, которые опираются не на исследовательский материал, а на случайные метафоры из разных текстов, имеющие политически направленный смысл (см. работы А.С. Панарина, А.С. Ахизера). Приведем пример из рассуждений о «герменевтике политического времени» философа из МГУ И.А. Василенко. Посыл первый: «Политические культуры разных цивилизаций отличаются своей временной ритмикой: есть динамичные культуры, неуклонно устремленные в завтрашний день, но есть другие - где замедленный ритм времени рождает вечное томление "по утерянному раю". Поэтому в диалоге цивилизаций нет единого для всех

пространства-времени, и это рождает один из драматических парадоксов хронополитики: чем более медленную временную ритмику имеет цивилизация, тем выше вероятность того, что ее традиционное политическое пространство станет сокращаться под влиянием вторжения более динамичных культур»⁵. Посыл второй: «Существуют цивилизации, которые "живут историей", они обращены назад - к событиям и традициям славного прошлого. Другие - тесно связаны с настоящим, они живут сегодняшним днем и в нем находят источник энергии. Третьи обращены в будущее, для них магическим значением наделено слово «завтра». Принято считать, что американское и российское общество имеет преимущественно перспективную ориентацию, китайское использует настоящее как центральную точку, из которой поток существования растекается в обе стороны, а индийское живет ретроспективной ориентацией»⁶. Наконец, посыл третий: «Сегодня, когда у власти в стране поколение "западников", пытающихся навязать России модель модернизации-вестернизации, мы живем в ритмах всеразрушительного "ускоренного" времени. Оно не совпадает с ритмом национальной политической культуры, и возникающий диссонанс на глазах разрушает все сферы жизни общества. Монетаристская модель в экономике, созданная на Западе для борьбы с инфляцией и падением производства, в России, на иной культурной почве, неожиданно "включила" именно механизмы инфляции и сокращения производства. Эталоны массовой культуры, насаждаемые средствами массовой информации, за несколько лет разрушили традиции национальной культуры. Еще вчера мы гордились тем, что Россия одна из самых "читающих" и образованных стран мира, но уже сегодня мы этого сказать не можем. В кризисном состоянии не только экономика и народное образование, но и социальная сфера, академическая наука, здравоохранение, - словом, все общество»⁷.

Вывод из этих рассуждений о «времени цивилизации» вполне ясен: необходимы «ротация политических элит» и приход вместо «западников» тех, кто способен «замедлить стрелки политических часов и спасти общество». Причем, идеалом выступает некая «великая традиция восточных культур», «циклическое, вращающееся по кругу время, характерно для цивилизаций Востока» (правда, через страницу в числе примеров ускоренного западного времени приводится «великий скачок» Мао Цзе-дуна)⁸.

С точки зрения временной оценки, восприятие жителями нашей страны прожитого десятилетия действительно представляет интерес. Как известно, разброс мнений по политическому, возрастному, регионально-этническому параметрам здесь огромен и даже стал предметом общенациональной дискуссии и правительственной реакции в связи с написанием школьных учебников по истории России XX в. Квалификация времени не в часах и минутах, а в оценочных категориях обрела вполне понятный политический характер, что находит отражение в огромном числе изданных работ, в том числе в книжных названиях. В этих дебатах меня не меньше интересует и вопрос, как реально запечатлелось время российских трансформаций в жизни жителя балкарского или башкирского села, среднего российского города или столичного мегаполиса.

Безусловно, есть три образа близкого времени: у жителей села оно одно, в провинциальном городе - другое, в Москве или Санкт-Петербурге - третье. Все три разнятся не столько по причине этнокультурных особенностей, сколько по различиям в реальных практиках. Мой сосед по рязанской деревне Алтухово, этнический русский Иван Ефимович Калчугин, имеет более сходную систему координат временного поведения с балкарским жителем Баксанского ущелья, чем с моими временными установками, а я, в свою очередь, имею больше общего с профессором-горожанином из Кабардино-Балкарии, чем со своим соплеменником по этнической принадлежности.

И все же мои наблюдения свидетельствуют о том, что доминирующим и общеразделяемым в современной России является медийное (из телевидения и газет) восприятие, сформированное в рамках идеологической парадигмы кризиса и утраты «старых добрых времен». Степень распространения данного восприятия может быть разной и его содержательные отсылки могут быть наполнены местными материалами, но по сути это единый и во многом навязанный господствующей парадигмой

кризиса образ в общенациональном масштабе. Тем самым можно говорить о наличии доминирующей версии ближнего (непосредственно прожитого) и дальнего (т.е. исторического) времени на уровне государственного образования и о государстве с его политико-информационным воздействием как главном производителе и хранителе этой версии.

Одна из культурных инноваций, которую я бы назвал планетарным (или единым, совместным) восприятием времени, рождается буквально в наши дни, точнее, после 11 сентября 2001 г., хотя еще не совсем ясно, насколько это глубинный процесс, а насколько потрясение от невиданных террористических актов. По крайней мере, масс-медийный дискурс и многие политики заявляют, что с нападением на США началось принципиально новое время, поскольку мир вступил в некую новую фазу своей эволюции. Из многих подобных рассуждений приведу только два.

Главный редактор журнала «Искусство и кино» Даниил Дандурей опубликовал в «Независимой газете» (13 сентября 2001 г.) статью «Управляемое насилие. Позавчера кончился XX век». Он пишет: «Мне кажется, что позавчера кончился XX век. Все принципы мышления, психология миллионов, политическое устройство - все кончилось. Мир оказался перед ситуацией, когда нужно найти принципиально другие методы сожительства, как это было в эпоху первых взрывов атомных бомб».

В передовой статье «Именем Аллаха» в газете «Известия» (12 сентября 2001 г.) говорится: «Со вчерашнего дня в мире нет ни одной сверхдержавы. Война цивилизаций, которую с большей или меньшей долей красочности описывали футурологи и писатели-фантасты, началась. Война Аллаха с Иисусом, бедных с богатыми, варваров с цивилизацией. Ни Аллах, ни Иисус тут ни при чем - они лишь знаки, буквенные обозначения войн миров. Вчера серий невиданных террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне была оформлена замена главной мировой религии. Отныне и присно (хотя не во веки веков, ибо в мире нет ничего вечного) главной мировой религией будет ислам, а не христианство. Кто бы мог подумать, что у этой замены будут конкретный день и час...»

Далее идут не просто эмоциональные, но провокационные и путаные рассуждения: «Христианство ценой огромного кровопролития сохраняло человечество от вымирания на протяжении шестнадцати веков - с момента распада Римской империи в 476 году. Со вчерашнего дня эту задачу взвалил на себя ислам. Теперь ислам, и только он, отвечает за сам факт нашего существования на этой планете в качестве биологического вида. На наших глазах свершилась планетарная исламская революция. Число мусульман давно превысило миллиард. Вчера количество перешло в качество...»

Неважно, что писавший эти строки человек в руках Коран не держал и в мечети никогда не был, зато он мог читать труды этнологов и других обществоведов и на них строить свои конструкции времени. В доказательство цитирую абзац этой же статьи: «С 11 сентября 2001 года Аллах стал верховным божеством. Расколотый духовно, геополитически и морально, исламский мир обладает той взрывной силой, той пассионарностью, как сказал бы незабвенный Лев Гумилев, которая меняет, пересоздает миры. Натиск на Восток сменяется натиском с Востока. В нашем мире теперь неизбежно появятся другие границы - географические, политические и моральные».

Может быть, я излишне бесстрастен, ибо моей первой реакцией была не озабоченность судьбой мира и человеческой эволюцией, а сожаление, что рядом нет помощника или структуры, которые могли бы оформить судебный иск к данной газете за разжигание межрелигиозной розни. Но для большинства читателей газетных текстов и зрителей теледебатов и видеокартинок подобный текст имеет большой воздействующий смысл и вполне может оформиться в некие общественные концепции. Важен не только сам факт разрушения гигантских зданий и гибель нескольких тысяч людей, важна даже не драматическая фиксация и трансляция конкретного дня и часа, а важен смысл, которым наполняют происходящее люди, и важно то, что этот смысл передается прежде всего через временные категории.

Другими словами, значение и ценности, приписываемые времени, имеют фундаментально контекстуальный характер. Таким образом, мы отличаем культурное время (*tempus*), которое субъективно и персонально-социально, а также может иметь политический смысл, от своего рода абсолютного (или природно-космического) времени (*chronos*).

Исходные позиции науки о времени

Добротной антропологической теории феномена времени пока нет, но имеется большое число исследований того, как в разных культурах и эпохах воспринималось, организовывалось и структурировалось время. Мировая социально-культурная антропология, включая отечественную этнологию, внесла в науку о времени существенный вклад. Если говорить о российской традиции, то здесь есть несколько направлений: а) изучение представлений о времени в древнейших культурах и в мифологии (мифологическое время); б) понимание времени через изучение календарно-обрядовой стороны культуры среди народов Европы и Азии; в) историко-философское, культурологическое осмысление категории времени.

У меня нет возможности рассмотреть детально содержание этих разработок и полученные выводы. Отмечу только, что мифологическое время - это своего рода «начальное», «первое» время (или «правремя»), предшествующее историческому или эмпирическому времени. Это время первопредметов, перводействий и первотворения. Иногда это время называют сакральным в отличие от эмпирического, или профанного времени. Отражается мифологическое время прежде всего в категории мифов о творении. Мифологическое время характерно для архаических мифологий, но трансформированные представления об особой начальной эпохе встречаются и в высших мифологиях. Культурологическое время, или время культуры рассматривается в качестве важнейшего аспекта модели мира, как характеристика длительности существования, ритма, темпа, последовательности, координации смены состояний культуры в целом и ее элементов, а также их смысловой наполненности для человека.

Есть две проблемы, которые недостаточно учитывались учеными в прошлом. Первая связана с тем, что *время это не только предмет этнографического анализа важного аспекта той или иной культуры, но и фактор самого анализа*, т.е. оно составляет часть жизни, понимания и даже метода тех, кто осуществляет исследование времени. Российский ученый или публицист воспринимает 11 сентября 2001 г. прежде всего через две проблемы: возможного конца краткого существования после распада СССР только одной сверхдержавы и проблемы террористических действий под лозунгами исламского экстремизма на территории собственной страны. Но он еще, как мы выяснили, начитался «незабвенного» Льва Гумилева и паранаучной схоластики по поводу цивилизационных конфликтов и истории больших структур. Китайским или индийским ученым тот же день и час воспринимается во временных параметрах по-другому: для него проблема сверхдержавы, может быть, и есть, но проблемы векового противостояния и временной смены христианства и мусульманства не существует. И, конечно, «китайский миллиард» не знает, что такое «пассионарность», и пребывает в неведении, что он есть «суперэтнос» и сколько осталось ему еще жить на Земле. Все это плюс к тому, что у китайцев и у индийцев есть и культурно отличительные характеристики восприятия времени, обусловленные этико-философской и религиозной традицией.

Вторая проблема восприятия и понимания времени - это *всесущность феномена, которая придает времени свойство невидимости и как бы создает ощущение одной из изначально данных жизненных субстанций*. От этого наше собственное время или время собственной культуры мы порой ощущаем и понимаем даже меньше, чем время изучаемых «других культур». Отсюда возникают вопросы: что есть время для нас самих, прежде всего в сегодняшней жизни, и насколько жизнеспособна давняя этнографическая парадигма различения восприятия времени в так называемых традиционных и в современных обществах?

Как известно, устойчивая (в основе европоцентристская) трактовка времени исходит из того, что в отличие от «нашего», «западного», времени время в традиционных культурах носит циклический, а не линейный характер, оно не количественно, а качественно, имеет свойство обратимости, а также больше «вмонтировано» в саму традицию и служит неким мотором истории. «Традиционное» время организовано через рутинные и практические задачи и процедуры, а не при помощи часовых механизмов; оно больше ориентировано на стабильность, а не на перемены; его движение определяется природными факторами, а не календарным ритмом, и фиксируется через природно-экологическую, а не через абстрактную шкалу времени.

Наиболее полно дихотомия (различение-противопоставление) «традиционного» и «современного» времени нашла выражение в структурализме (К. Леви-Стросс), и этот подход стал почти классическим. Ему отдали дань Э. Эванс-Причард, К. Гирц и сотни исследователей в разных странах. Напомню, что Эванс-Причард в своей классической работе о нилотском племени Южного Судана - нуэрах сделал заключение, что это африканское племя обладало так называемым экологическим временем, или временем, связанным с годичным циклом, а также имело структурную компоненту, измеряемую поколениями. Но это время было мифическим, а не календарным и линейным. Эванс-Причард даже считал, что у нуэров нет времени в его обычном (для европейца) понимании, ибо даже в языке не существовало такой категории. Точно так же и у австралийских аборигенов время циклично и отсутствуют единицы исчисления времени. Приведем соответствующую цитату из русского издания этой работы: «Хотя я и говорил о времени и о единицах времени, у нуэров нет термина, эквивалентного слову "время" в европейских языках, и поэтому они не могут, как мы, говорить о времени как о чем-то реально существующем, о том, что оно проходит, что его можно зря расходовать, что его можно экономить и т. п. Не думаю, чтобы они когда-либо испытывали ту же необходимость, скажем, выиграть время или сопоставить деятельность с абстрактным отрезком времени, поскольку они выражают время главным образом через саму деятельность, которая, как правило, носит неторопливый характер. События идут в логическом порядке, но они не контролируются какой-либо абстрактной системой, ибо не существует никаких автономных точек отсчета времени, с которыми точно совпадала бы их деятельность...

Мы можем сделать заключение, что нуэрская система исчисления времени в пределах годичного цикла и частей этого цикла - это серия концептуализации природных изменений и что выбор точки отсчета определяется тем значением, которое имеют эти изменения для человеческой деятельности»⁹.

Данный взгляд до сих пор имеет много сторонников, в том числе и в российской этнологии. Хотя следует отметить, что у С.А. Токарева имеется наряду с корректным изложением разных научных подходов к данному вопросу достаточно важная оговорка, что нельзя говорить о полной мифологичности в восприятии времени, как и о полной рациональной, эмпирической природе времявосприятия в конкретных культурах или в определенные исторические эпохи.

Итак, мы обращаем внимание на следующее. Первое - это слишком универсалистское видение феномена времени в прошлых культурах и среди всех прошлых или ныне живущих групп населения. *Функционализм и структурализм в своем стремлении установить общие механизмы жизнедеятельности разных обществ свели проблему времени к дуалистической конструкции «нашего» и «другого» времени. На самом деле не менее важно рассмотреть коэволюционные моменты (схожесть и синхронность культурных элементов) и «экзотику» современного (европейского или евразийского) времявосприятия.*

Проблемы «нашего» времени

Несмотря на существование часов и календаря, а также на сильнейшее воздействие естественно-научных подходов к проблеме времени, наше собственное время построено и воспринимается с постоянным привлечением прошлого, настоящего и буду-

шего и с постоянными отсылками на события, процессы и социальные отношения. *Линейность и количественность современного (календарно-часового) времени - всего лишь одна из его характеристик. Современное время остается качественным, иначе не было бы речей о «нашем трудном времени» или о «добрых временах», о том, что время «летит», «тает», «тянется», или о том, что «время - деньги».*

Современное (наше) время сложнее, чем мы обычно его себе представляем. Оно не только о том, «когда» по часам и по календарю, но и включает момент «своевременности», т.е. «правильного», или подходящего времени. Многие «когда» решаются не только глядя на день недели или на время дня, но и учитываются другие факторы. Например, когда лучше провести конгресс (в вузовские каникулы, во время или после местных торжеств и т.д.), когда осуществить подъем цен или какую-то реформу, когда провести выборы президента страны или республики, когда предпринять те или иные общественные или частные действия. Даже «правильное» время определения начала и конца военных кампаний может зависеть не только от природных факторов, но и от фактора крупных политических кампаний (президентские выборы) или от крупных бизнес-проектов и международных мероприятий.

«Правильное» время, или своевременность устанавливаются с учетом социоисторического и политического контекстов. Если мы не можем назначить празднования, совпадающие с печальными датами прошлого, значит, наше сегодняшнее время тоже «циклично», или «обратимо», как и время австралийского аборигена. Таким образом, проблема «своевременности» существует во всех обществах, и она крайне ситуативна, зависит не только от «естественных», но и от культурных, природно-географических и даже от физиологических факторов. Например, интересен опыт определения точной даты Всероссийской переписи населения 2002 г. (с 9 по 16 октября). Здесь учитывалось наиболее оптимальное сочетание благоприятных для осуществления всеобщего и одномоментного опроса условий: конец дачного сезона и летних отпусков, еще приличное состояние дорог и доступность отдаленных мест, некоторые другие факторы.

Таким образом, *время через согласование, или время как оптимум для большего числа участников общего события — одно из новых явлений организации событий во времени.*

Недавно я обратил внимание на интересную технику выбора времени одной из научных встреч в США в рамках российско-американского сотрудничества: всем предполагаемым участникам было предложено назвать наиболее удобные для них три дня в месячный период между крупными праздниками (Днем благодарения и Рождеством). Момент наибольшего совпадения желаемых дат и был определен как время проведения конференции.

На наш взгляд, проявления феномена времени имеют как общие черты, так и некоторые уникальные характеристики в разных культурах. И граница здесь проходит не по стадийному принципу: новейшие археологические и другие исследования показывают, что даже в самых ранних обществах существовали календарные исчисления времени, которые к одной только цикличности или мифологичности не сводятся.

Главный, на мой взгляд, вывод: *ничто не может служить единственным источником культурных форм выражения или восприятия времени - ни качественный или количественный факторы, ни социальная или природная среда, ни часовой механизм или рутинные практики. Поэтому мало смысла в самом разделении времени на две его различительные формы бытования: в традиционных культурах и в современных, индустриальных обществах.*

Время нашей повседневности

Мне представляется наиболее перспективным подходом изучение того, как время используется в наших повседневных коммуникациях - в том, что я называю социальным временем этнографического настоящего. И здесь мы обнаружим, что

время нашей жизни невозможно поделить на какие-то две основополагающие категории. Повседневность полна отсылок к категории времени. Мы говорим о часовом времени, о сезонном (зимнем, летнем), плохом и хорошем времени, переходном времени, Смутном времени и т.д. Есть время процессов и есть время вещей. Мы говорим, что время летит (как правило, незаметно) и что время течет (быстро или медленно). Мы легко оперируем этими разными понятиями времени и вкладываем в них, казалось бы, общеразделяемый смысл, особенно не задумываясь о различиях, обусловленных культурой, социальной средой или эпохой (т.е. тем же временем). Ясно одно - многоликий феномен присутствует как в физических процессах и социальных явлениях, так и в математических абстракциях и конкретных отношениях людей.

Мы меряем время не только часами, повторяющимися событиями, но и через изменения в наших взглядах, чувствах и даже собственном теле. Мы используем время столь же разнообразно и чаще всего утилитарно: как средство обмена на товары и услуги и как средство платежа. Вместе с тем мы используем время и как ресурс окружающей природной среды, общества, народа, институтов. Потрясающим по своему интересу является, например, стремление удлинить время народа, той или иной культурной традиции или региона, с которым связывается культурная идентификация местного населения. Метафора «седого Кавказа» - одна из самых распространенных в регионе, где проходил IV Конгресс этнологов и антропологов России. Мне, уроженцу Урала, ни разу не приходилось слышать подобные культурные отсылки в местной среде, хотя, как известно, Уральские горы гораздо более древние, чем Кавказ. Значит, дело не в корректности геологического знания, а в культурном смысле. Придание временного смысла, связанного с сединой, означает мудрость и величие, т.е. культурно и даже политически наполненные оценки, которые несут определенные функции для современников.

Минута, час, неделя, день, фаза луны, год, Рождество, Пасха и Рамадан, циклы производства и роста, поколенческий цикл и жизненный цикл - все это одни из немногих временных форм, которые определяют и регулируют нашу повседневную жизнь. Параметры жизни и смерти, природные ритмы, повторяющиеся социальные события и многое другое - все это то, что составляет временную матрицу и позволяет нам жить во времени. Именно через эти разные формы отсылок ко «времени, когда...» мы способны узнавать о многом и организовывать жизнь. Когда открывается или закрывается магазин, когда детям следует идти спать, когда нужно сдавать в издательство готовую работу, «когда мы были молодыми», когда в нашем городе или стране были гражданские беспорядки, когда буря снесла крышу нашего дома или когда селевой поток разрушил целые кварталы.

Если посмотреть внимательно, то можно обнаружить, что наше современное время основано не только на календаре и на часах или на том и на другом одновременно. Точнее сказать, последние не есть единственные источники восприятия и организации времени наших социальных действий и даже природных отправлений. Рабочее время магазина или научно-исследовательского института невозможно установить и воспринимать без часов и календаря, но они - не единственные регуляторы данной временной матрицы. Здесь есть и другие факторы: часы работы магазина, завода или института друг с другом связаны и в той или иной мере определяют друг друга. Даже интенсивность уличного движения и способности общественного транспорта могут влиять на рабочее время, а заинтересованность в коммерческой прибыли - на время торговли. Рядом с Институтом этнологии и антропологии на Ленинском проспекте уже несколько месяцев работает не только самый крупный в мире магазин французской косметики «Арбат-Престиж», но это единственный известный мне в мире магазин такого профиля, который работает 24 часа в сутки! Точно так же, как и Публичная библиотека в Оттаве, где в 1970-е годы я провел много времени, работая над историей Канады. Наконец, время торговли магазина или время работы института может устанавливаться законом, причем разным для разных стран и регионов страны.

В Норвегии невозможно купить спиртное после 8 час. вечера (кроме пива), так как все магазины «Винмонополет» должны быть закрыты. В России своя неповторимая ситуация с продажей алкоголя, о которой все хорошо осведомлены: в любой момент в любом количестве и плохого качества.

Время работы академического института - это особая тема для научной статьи по проблеме времени. После 30 лет работы в двух академических институтах я пришел к заключению, что никакие административные предписания не в силах установить «правильное время» (т.е. по общему правилу) для научного работника. Его устанавливает то, что так дорого этнографам, - традиция, а также другие факторы. Весной 2001 г. члены Ученого совета института пережили культурный шок, когда администрация стала назначать начало работы совета на 11 час. утра. «Ну, хотя бы на один час позднее!» - сетовали многие члены совета. Кстати, явка на заседания совета за последние полгода была самой хорошей в последнее десятилетие, что подтверждает мой тезис, что человек гораздо больше склонен к трансформациям и инновациям, а сама традиция - это подвижная материя, если, конечно, между первым и вторым нет слишком радикального разрыва.

Отсылка к часам в регулировании современного восприятия времени - совсем не такой всеобщий аргумент, как это иногда нам кажется. Если вы скажете ребенку, что уже 9 час. и пора спать, то это значит для него гораздо меньше, чем, если вы скажете, что за окном уже темно и пора спать, или выключите телевизор после передачи «Спокойной ночи, малыши». Аналогичным образом во многих случаях ведут себя и взрослые. Врач советует достигшим 60 лет ложиться спать до полуночи, а я, наоборот, стал ложиться позже, ибо после полуночи лучше функционирует интернетовская почта, а в Западном полушарии, где работает много моих коллег, дневное время в самом разгаре. Время бодрствования одних по одну сторону Земли воздействует на время сна других по другую сторону. В финансово-биржевых сферах для миллионов людей во всем мире день начинается и заканчивается временем открытия и закрытия торгов на Нью-Йоркской бирже. В данном случае время определенно носит глобально-синхронный характер, но только его содержание подчиняется не мировой матрице часового времени, казалось бы, и разработанной для данных целей глобальной организацией времени.

Антропология часового времени

Временные параметры, установленные через секунды, минуты, часы и сутки, в отличие от жизненного времени, сезонного или дневного циклов, характеризуются прежде всего инвариантностью, точностью и свободой от культурного контекста. 24-часовое измерение одинаково везде и в любое время года. Один час - он везде один час. Мы больше уже не пользуемся разными понятиями часа в зависимости от сезонов или множеством местных временных систем, которые когда-то предшествовали установлению системы всемирного времени. Время стандартизировано по всему Земному шару с конца XVIII в., когда произошло деление на часовые пояса. Остался только один курьез, когда можно потерять или обрести лишний день, пересекая международную линию дат. Эта рационализация времени имела огромное воздействие на социальную жизнь в индустриальных странах и повлияла на восприятие времени самими антропологами, изучающими время в разных культурах и обществах.

Современные календари и часы превратили время в средство измерения, основанное на принципе одинаковости, тем самым вступив в фундаментальное противоречие с естественным временем, которое характеризуется глубокой и постоянной вариативностью. Если говорить яснее, то дневное время, например, хотя бы немного, но меняется каждые сутки, как и не каждый год имеет 365 дней. В отличие от разных природных ритмов точное измерение - это изобретение человека, т.е. это сконструированное время, которое стало настолько доминировать в нашей жизни, что мы его воспринимаем как данность. Однако, глядя на часы, мы не можем определить очень

многого в ритмике современной жизни, где по-прежнему «смена вех» и отношение к времени зависят от ритмов природного и социального характера.

Изобретение часов и рационализация времени как меры произошло за счет утраты качественных различий и гармонии с данными ритмами. И все же введение часового времени не заместило полностью многообразие социальных, биологических и физических источников времени. Скорее оно изменило смысл восприятия времени. И связано это было с индустриальным обществом, когда работодателю нужно было покупать время своих рабочих, т.е. часовое время превратилось в средство, через которое труд превращался в абстрактную обменную ценность. Без точного (часового) времени было бы невозможно обменять работу на деньги в индустриальном производстве.

Точное время стало предметом конфликтов, состязательности и переговоров. Оно оказалось товаром и тем самым стало частью культуры. Рабочее время (включая время отпусков и праздничных каникул, перерывов, сверхурочное время, рабочую неделю и даже год, трудовой стаж и т.д.) — часть социально-культурной жизни, в том числе предмет контроля и сфера властных отношений.

Время в условиях российских трансформаций имеет ряд отличительных и общих моментов. Если брать сталинские времена, то главным распорядителем времени была верховная власть в Кремле, которая могла устанавливать тюремное наказание за то, что человек «не совладал» со временем и опоздал на работу на 10 мин. Причем наказание устанавливалось для людей, большинство из которых даже не имели наручных часов. В моем родном городе, где расположен один из демидовских металлургических заводов, заводской гудок о конце и начале рабочей смены был самым значимым временным ориентиром. Среди местных жителей можно было услышать такие фразы: «коров сегодня угнали в стадо еще до гудка», «дождь уже после гудка перестал лить» и т.п.

В ходе новейших демократических преобразований время как один из важнейших культурных капиталов было приватизировано наиболее эффективно и в массовом порядке, в том числе и в смысле выстраивания жизненных стратегий. Особенно потрясает радикальный отказ молодого поколения от регулируемого государством жизненного цикла через «трудовой стаж» и прочие временные процедуры. Не менее интересен феномен качественного определения времени и придания ему эмоциональной окраски. Недалеко от Института этнологии и антропологии на Ленинском проспекте установлены два рекламных щита. На одном (в рамках антитабачной кампании) написано: «Курение? На это нет времени». Данная надпись явно рассчитана на восприятие времени молодым поколением. На другом щите можно прочесть: «Время платить налоги». Здесь отсылка ко времени целиком порождена временем трансформаций, ибо такого параметра в прошлом не было: налоги не платились, а изымались. Современный россиянин (пока только часть населения) начинает включать и эту веху в свой временной календарь. Время было и остается повсеместным в человеческой культуре, даже если наше время некоторые и называют «безвременьем».

Примечания

¹ См. обзорную статью П.П. Гайдено на эту тему: Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 451-457.

² Adam B. Perception of Time // Companion Encyclopedia of Anthropology. Humanity, Culture and Social Life / Ed. T. Ingold. L., Routledge, 1994. P. 503-526; Idem. Time and Social Theory. Cambridge, 1990.

³ Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М., 1999. С. 229.

⁴ Hoskins J. The Play of Time. Kodi Perspectives on Calendars, History, and Exchange. Berkeley, 1993.

⁵ Василенко И.А. Указ. раб. С. 226.

⁶ Там же. С. 235.

⁷ Там же. С. 232.

⁸ Там же. С. 227-229.

⁹ Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985. С. 95-96.

Living time (or lifetime) should be considered as dominant reference in construction of historical temporality and in a choice of its main pillars. Time references provide a test of political loyalty and they facilitate group solidarity. Time perception and chosen temporality frameworks safeguard not only vertical (generational) but also political and emotional bonds. Dualistic constructions of «our» and «other» times should be replaced with co-evolution (cultural similarity and synchronic cultural elements) and with better understanding the «exotic» contemporary time perceptions. There is no one source for cultural forms of time perceptions as well as there is rigid division between «traditional» and contemporary (European) times. New forms and attitudes are emerging in a time of Russian transformations.

This article is based on plenary paper at the 4th Congress of Russian Ethnologists and Anthropologists, September 2001, Nalchik.

© 2002 Г., ЭО, № 3

А.А. Зубов

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.*

Вступив в новый XXI в., естественно оглянуться назад и хотя бы в общих чертах оценить итоги прошедшего столетия в каждой области знания. Речь пойдет о науке, всегда называвшейся в нашей стране (а также в Германии, Австрии, Польше) *антропологией*, но в настоящее время часто называемой *физической антропологией*, поскольку приходится подчеркивать ее отличие от культурной, или социальной антропологии для лучшего понимания с коллегами из США, Англии, Франции, Индии, где данный термин имеет более широкий смысл. В ряде европейских стран, в том числе в России, термин «антропология» закрепился лишь за той ветвью, которая посвящена исследованию анатомио-физиологических аспектов изучения вариативности человека.

Уточнение «физическая» в России заимствовано из англоязычной антропологической литературы (Physical anthropology) и получило у нас достаточно широкое распространение, хотя в среде специалистов продолжает употребляться старый, привычный термин «антропология», который используется и в данном тексте.

В XX в. антропология пришла из предшествующих столетий, причем сначала складывались отдельные компоненты, из которых к концу XIX в. в общих чертах сформировалась единая дисциплина. В своем исходном варианте антропология включала морфологию (отчасти физиологию) человека, исследование человеческих рас, а также вопросы антропогенеза. По сути дела все эти компоненты присутствовали уже в работах академика К. Бэра (1792—1876)¹ - одного из основателей антропологии в России. Начиная с 20-х годов XIX в. этот ученый опубликовал ряд трудов по краниологии, сравнительной анатомии, антропологии современного населения Земли. Он выделил в рамках науки о человеке такие разделы, как «антропография» (анатомия и физиология человека), «антропономия» (место человека в животном мире) и подготовил третий раздел - «антропоистория» (к сожалению, он не опубликован), посвященный вариациям физического типа современного человечества. Свои рассуждения К. Бэр обосновывал конкретными исследованиями, в частности - работой по антропологии папуасов, данными по краниологическим типам славян, курганного населения, деформированным черепам. Нужно особо отметить четкую

* Доклад был представлен на пленарное заседание IV Конгресса этнографов и антропологов в письменном виде. Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 01-06-80162).